

Глава 8

Мужчина стоял прямо, как журавль. Привычного строгого делового костюма на нём не было — лёгкий чёрный спортивный костюм, будто только что вернулся с утренней пробежки.

Как Хэ Минчэнь вообще здесь оказался?

И почему выглядит так, словно давно тут живёт?

— Хэ Мин... Господин Хэ, когда вы вернулись? — Сунь Ланьшу почувствовала, как что-то сжалось в груди; мысли встали, и она ляпнула первое, что пришло на ум, даже не сообразив, сколько всего выдала этим вопросом.

Она спросила не «как», а «когда» — значит, пыталась подсчитать, какую часть их разговора с Цзи Лянем он успел услышать.

Маленькая хитрость была слишком очевидна. Хэ Минчэнь не удостоил Сунь Ланьшу ответом — взгляд его сразу упал на лицо Хэ Шэна, который сидел в объятиях Цзи Ляня.

Хэ Минчэнь был занятым человеком, но ежемесячные встречи с сыном не срывались никогда — это было незыблемо.

Они редко виделись, но Хэ Шэн никогда не обижался. Не замыкался в себе.

При каждой встрече с отцом мальчик радовался ещё больше, чем в прошлый раз: первым делом кричал «папа!» и тут же мелкими шажками бежал вцепляться в его руку. Но сейчас — не побежал.

Хэ Шэн обеими ладошками крепко держал шею Цзи Ляня, будто боялся, что тот сбежит. Он не жался в чужих объятиях — напротив, держался прямо, всем видом давая понять, что по-прежнему заслоняет Цзи Ляня собой.

Услышав знакомый голос, мальчик высунул голову из-за его плеча и радостно крикнул:

— Папа.

Крикнул — но из объятий не вырвался и к отцу не побежал.

Хэ Минчэнь проглотил необъяснимое разочарование, тихо отозвался коротким «угу» и медленно поднял взгляд — туда, где его уже ждали глаза Цзи Ляня. Юноша смотрел прямо.

Лишь сейчас, с близкого расстояния, Хэ Минчэнь окончательно убедился: Цзи Лянь действительно изменился.

Прежде тот при малейшем взгляде Хэ Минчэня тут же отводил глаза — словно перед ним было что-то страшное. Теперь юноша смотрел спокойно, и в этом взгляде читалось ясное послание:

Цзи Лянь его не узнаёт.

Он смотрел на Хэ Минчэня так, как смотрят на незнакомца, которого видят впервые: внимательно, настороженно, с неприкрытой осторожностью.

Хэ Минчэнь почти не сомневался: подойди он сейчас ближе — юноша, повинувшись инстинкту самозащиты, среагирует без раздумий.

Осознав это, он отказался от мысли сразу забрать Хэ Шэна.

За несколько дней наблюдения он убедился: Цзи Лянь мальчику вреда не причинит. Значит, торопиться незачем. Да и не получилось бы — сейчас Цзи Лянь был вылитая утка-мать, загородившая собой птенца.

— Господин Хэ, вступитесь за молодого господина! Цзи Лянь воспользовался вашим отсутствием и обидел ребёнка... — Сунь Ланьшу наконец пришла в себя и нарушила повисшую тишину.

Она ухаживала за Хэ Минчэнем ещё в детстве, и он давно привык ей доверять.

Привыкла и она — к его молчаливости, к закрытости. То, что он не ответил на её вопрос, не насторожило: дело привычное.

Не зная, сколько именно он успел услышать, она решила разыграть главную карту — перевести стрелки с себя на Цзи Ляня.

Взгляд Хэ Минчэня так и не сдвинулся с лица юноши. Он и бровью не повёл, лишь спокойно уточнил:

— Как именно он обидел Хэ Шэна?

Его невозмутимость озадачила Сунь Ланьшу и кольнула тревогой.

— У меня есть доказательства, — выпалила она.

— Какие?

— Я сняла видео, я...

— Стоп. — Взгляд Хэ Минчэня похолодел. — Если вы знали, что Цзи Лянь обижает Хэ Шэна, почему не защитили ребёнка? Почему не сообщили мне сразу? Вместо этого — сняли видео. Как страховку. Объясните: зачем вам это было нужно?

Сунь Ланьшу онемела.

Этого она не ожидала. И в голову не приходило, что Хэ Минчэнь зацепится именно за это.

Разве он не должен был тут же броситься разбираться с Цзи Лянем? Почему вместо этого допрашивает её?

Правды она сказать не могла. Правда была проста: она снимала видео, чтобы получить рычаг давления на Цзи Ляня и подчинить его себе. Разве такое скажешь вслух?

Стоит копнуть глубже — и Хэ Минчэнь рано или поздно узнает всё. Узнает, что главной обидчицей Хэ Шэна была именно она.

— Я... я боялась, что вы не поверите без доказательств, вот и записала, — промямлила Сунь Ланьшу, лихорадочно подбирая слова. — Я хотела вам сообщить, но Цзи Лянь угрожал. Я всего лишь прислуга — разве я могу перечить хозяину?

Что-то прояснилось у неё в голове, и в голосе вдруг появилась уверенность:

— Господин Хэ, вы не знаете, как он себя вёл! Пока вас не было, он тайком урезал молодому господину еду. Я возражала несколько раз — без толку. Беспокоилась о ребёнке, заказывала ему еду на доставку — он всё перехватывал. Сегодня я собралась съездить в город, купить нормальных продуктов, так он заранее спустил колёса...

Чем дольше она говорила, тем сильнее распалялась. На словах защищала мальчика, но на деле сводила личные счёты — вываливала на Цзи Ляня всё, что только приходило в голову.

Она была уверена: после долгих лет её давления Хэ Шэн не посмеет ей возразить. Ведь только что, пока она докладывала Хэ Минчэню, мальчик промолчал. Значит, можно говорить что угодно — прямо при ребёнке.

Единственное, о чём она сожалела: Цзи Лянь ни разу не ударил Хэ Шэна. Вот было бы такое видео — и убеждать ни о чём не пришлось бы.

Хэ Минчэнь не перебивал. Не выказывал ни единой из тех эмоций, которые она надеялась на нём увидеть. Он смотрел на юношу перед собой — того, кто был на полголовы ниже.

Цзи Лянь молчал. Слишком тихо, слишком спокойно. Бледное лицо в белом свете гаражных ламп казалось отлитым из серебра — чёткие черты, густые длинные ресницы, устало опущенные вниз, вялый, поникший вид. Ни слова в ответ на обвинения Сунь Ланьшу — ни возражений, ни отрицания. Словно принимал всё как должное.

В ту ночь, когда Хэ Минчэнь вернулся на родину, он увидел через окно машины, как в вилле что-то происходит — какая-то борьба, какой-то конфликт. Впервые в жизни его картина мира дала трещину.

Когда он пришёл в себя, водитель уже выполнял приказ: машина остановилась поодаль от виллы.

Хэ Минчэнь потратил время на осмысление увиденного. И всё же решил не возвращаться — был уверен: войди он сейчас, правда от него ускользнёт.

Странное поведение и Цзи Ляня, и Сунь Ланьшу насторожило его всерьёз. Он велел Сяо Мо под предлогом визита к Хэ Шэну установить в вилле скрытые камеры в нескольких незаметных местах.

Все эти дни Хэ Минчэнь намеренно приостановил дела и снял жильё в соседнем доме — следил за записями с камер, прислушивался к тому, что происходит на вилле и вокруг неё. Именно поэтому он сейчас точно знал, сколько правды в словах Сунь Ланьшу — и знал, что Цзи Лянь совсем не такой, каким та его рисует.

Хэ Минчэнь нахмурился. Почему Цзи Лянь не оправдывается?

Тот стоял, опустив голову, крепко прижимая к себе Хэ Шэна — будто сам ища защиты у маленького ребёнка. Из всех здесь именно он выглядел пострадавшим.

Хэ Минчэнь поймал себя на странном ощущении: что-то похожее на жалость. На желание пожалеть.

Он слегка опешил от этой мысли. Наверное, он попросту сошёл с ума.

Из всех троих, скрывавших что-то своё, лишь сам Цзи Лянь был по-настоящему спокоен.

Потому что именно он создал эту ситуацию.

С первого дня после переноса он просчитал худший сценарий и выбрал опасный путь.

Сунь Ланьшу он злил намеренно. Та сцена, которую разыграл перед ней, тоже была намеренной — он давал ей думать, что смертельно боится разоблачения перед Хэ Минчэнем.

Его расчёт был прост: даже если он уничтожит все записи Сунь Ланьшу, ущерб, нанесённый Хэ Шэну прежним хозяином тела, никуда не денется. Эту боль не сотрёшь.

Объяснять что-либо Хэ Шэну или Хэ Минчэню он не мог. Не мог сказать, что он — не тот человек. Всё равно не поверили бы.

Что ж. Плата за то, что занял чужое тело, — можно понести и чужую вину.

Он заранее проверил: даже если Хэ Минчэнь подаст на него в суд, максимум — несколько лет тюрьмы. Выйдет — и будет жить дальше.

Цзи Лянь бывал в условиях куда хуже тюрьмы. Тюрьма его не пугала — если честно, она казалась ему чем-то вроде рая: кормят, одевают, можно учиться. И главное — просидев там несколько лет, он избавит себя от дальнейшего участия в сюжете. А уж разбираться с семьёй Цзи и с тем, что осталось от прежней жизни хозяина тела, он точно не умел. И не хотел.

Сунь Ланьшу даже не догадывалась о таких расчётах.

Она была права в одном: с такими мыслями в голове Цзи Лянь и правда был настоящим сумасшедшим.

Он спокойно принимал неизбежное — так же, как принимал его всегда, когда равнодушные старшие обрушивали на него свои упрёки.

Хэ Шэн крепко сжимал ткань на плече Цзи Ляня. Взгляд его метался от одного взрослого к другому.

Он чувал: что-то с Цзи Лянем не так. Тревога комком стянулась внутри — и мальчик, не сдержавшись, закричал на Сунь Ланьшу:

— Врунья!

Все трое взрослых замерли.

Хэ Шэн сжал кулачки. Глаза заблестели от слёз.

— Ты лжёшь! Сяо-ба никогда меня не обижал!

<http://bllate.org/book/18977/2162723>